

Анастасия Черкасова

Человек
с
картинки

Серия
World Inside
Книга 2

Анастасия Черкасова
Человек с картинки (сборник)

«Accent Graphics communications»

2013

Черкасова А.

Человек с картинки (сборник) / А. Черкасова — «Accent Graphics communications», 2013

Вторая книга серии «Человек с картинки» посвящена той части жизни, без которой люди ни в одну эпоху своего существования не могли помыслить истинного смысла своей жизни. Той части жизни, без которой сущность человеческая пуста, а душа – одинока. Эта книга посвящена теме любви. Любви возвышенной – единственной на протяжении жизненного пути человека, любви всепоглощающей, порождающей желание отдать для другого человека все. Любви самопожертвующей, не дающей возможности жить без единственно любимого человека, окрыляющей, позволяющей сотворить истинное волшебство силою своего чувства. А так же о любви приземленной – более реалистичной, более возможной, чаще встречаемой, более простой и понятной, но не в меньшей степени имеющей право на существование.

© Черкасова А., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Вступление	6
Билет в один конец	7
Удар в тишине	9
Багровые слезы	11
Забытые сны	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Черкасова

Человек с картинки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

Огромный мир. Просторные дали. Большие города со множеством горящих огней, в каждом из которых – чья-то жизнь. Небо – такое большое, что его видно отовсюду, из любого уголка планеты – и эти облака, окрашенные багрянцем солнечных лучей, освещающих так же все, абсолютно – все. Леса, многочисленные деревья, бескрайние поля. Моря – огромные, необъятные для человеческого глаза. И эти блики на воде, рожденные все тем же солнцем – одним для всех. Цветы, запахи растений. Сколько в мире запахов? Целая гамма. Сколько их? Миллиарды? Больше? Не сосчитать. Не представить. Макушки гор, кажущиеся издали такими крошечными, словно игрушечными, а на самом деле – все таким же огромными, что ни одному из людей, лицезреющих их макушки, не хватит и целой жизни на то, чтобы обойти их все, заглянуть в каждую из ложбинок искрящегося камня. Сколько тропок на свете, сколько дорожек – не пройти. Никогда не пройти, и даже не представить. Множество зверей. И птиц. Чаек, летающих над этим морем. Маленьких черточек, парящих в этом небе – одном для всех. Птица издали – это тоже крупинка, такая маленькая, что не пройдет и минуты, как она скроется вдаль, потерявшись навсегда в этом мире, скрывшись от глаз человека, наблюдающих за ней. Степи. Бескрайние пустыни. Теплый песок. Запах листьев. Запах моря. Привкус морской пены, оседающей где-то внутри так явно, что кажется, словно кусочек моря умещается на кончике человеческого языка. И везде – звери. Сколько их? Таких разных, таких непохожих друг на друга. И везде, везде в этом мире – люди. Столь же разные, несмотря на некоторое внешнее сходство. Множество лиц. Множество отражений человеческих душ. Словно блики на воде. Словно искорки на многогранном хрусталике. День – и ночь. Темнота и свет. Холод – и тепло. Многочисленные блики. Многочисленные оттенки миллиардов запахов. Все это – мир. Все это – наша жизнь.

Возможно, мир не имел бы столь громадного количества оттенков одних и тех же вещей, на первый взгляд кажущихся таким похожими, такими одинаковыми. Он был бы проще и однозначней, если бы не существовало в нем этих разных человеческих душ, порождающих такое разное восприятие окружающего. Даже эти блики на воде – каждый человек видит их по-своему. Чувствует. Или не чувствует совсем. Представить только: внутри каждого человека есть это все – и чайки, и сверкающая гладь воды, и легкий шум крон могучих деревьев, и многоголосное цоканье зверьков. И опять же – души, эти разные человеческие лица. Каждый человек – все чувствует по-своему, воспринимает по-своему. Внутри каждого – такой вот огромный мир, окрашенный своими собственными цветами. Пропитанный запахами и звуками, и каждый из этих миров – уникален. Все это, все – все умещается внутри одного-единственного человека, даже самого маленького. Внутри каждого из нас – целый мир, единственно уникальный.

В серии книг «World Inside» я хочу поделиться с читателями своим собственным миром, открыть глазам других свое восприятие. Каждую из книг я постараюсь сделать так же особенной, отличной от других, дабы открыть разные грани, разные отблески своей души.

Вторая книга серии «Человек с картинки» посвящена той части жизни, без которой люди ни в одну эпоху своего существования не могли помыслить истинного смысла своей жизни. Той части жизни, без которой сущность человеческая пуста, а душа – одинока. Эта книга посвящена теме любви. Любви возвышенной – единственной на протяжении жизненного пути человека, любви всепоглощающей, порождающей желание отдать для другого человека все. Любви самопожертвующей, не дающей возможности жить без единственно любимого человека, окрыляющей, позволяющей сотворить истинное волшебство силою своего чувства. А так же о любви приземленной – более реалистичной, более возможной, чаще встречаемой, более простой и понятной, но не в меньшей степени имеющей право на существование.

Билет в один конец

Мороз щипал мои щеки. Я тихонько шел по улице, было уже совсем темно, тонкий лед похрустывал у меня под ногами. Противный ледяной ветер дул мне в глаза. Зима без снега – противно. Когда нет снега, то всегда кажется, что на улице лютый холод, даже если температура воздуха ушла не далеко за минус. И кажется, что вечер темнее обычного, жутко, гадко, и такое ощущение, будто это не закончится никогда. Зима без снега... Застывшая грязь. Холод. Но я не ощущал этого холода, или не обращал на него внимания, хотя шурился от ветра, не замечал, как и то, что он нещадно трепал мои заиндевевшие волосы. Ведь рядом со мной шла Карина.

Каринка! Любовь моей жизни, первая и единственная. В свои девятнадцать лет я знал, что больше никогда никого не полюблю, и даже думать не смогу ни о ком с такой трепетной нежностью, с какой я всегда вспоминал о ней.

От мороза у нее покраснелось лицо, а волосы трепетали на ветру. Я глядел на нее и не мог наглядеться, глядел и осознавал, что сегодня вижу ее в последний раз, что никогда, какую бы длинную жизнь я не прожил, я не увижу такого близкого и родного лица, единственного в природе.

Карина. Я смотрел и со вздохом опускал взгляд на окоченевшую землю, не выдерживал и снова смотрел. Ее же глаза постоянно смотрели прямо, такие светлые, с чуть заметной искрой легкой грустинки, но абсолютно спокойные и бесконечно верившие своему счастью.

Мы шли рядом, мы просто гуляли, и ветер остервенело носил по дороге помятые бумажки.

– Значит, все? – задумчиво произнес я, – Так просто... Странно.

– Выходит, так, – Карина вздохнула, – сейчас бы в школу, да? В десятый класс. И почему тогда ничего не получилось?

Я не знал на это ответа.

– Миша, Миша, – глаза Карины погрузнели больше, припомнив былое-старое, давно забытое, – И почему ты тогда отказался от меня?

– Не знаю, – мое сердце разрывалось, – Я был дураком. Просто дураком, с еще, оказывается, детским умом, вообразившим себя взрослым. А что бы тогда сейчас было? Как думаешь?

– Все было бы совсем по-другому, – Карина горестно опустила глаза, – Мы были бы уже четыре года вместе. Представляешь? Четыре года! Я это точно знаю. Ведь я тогда так любила тебя, так любила! Моя первая любовь... Любила, еще полудетским сердцем, но это не имеет значения, ибо и дети любить умеют. И еще неизвестно – может быть, даже больше взрослых.

– Любила? – я снова грустно посмотрел на Карину, – А сейчас? – я отвел глаза, – Ладно, глупый вопрос, не отвечай.

Помолчав, я вздохнул:

– Да, любила. Как жаль, что нельзя вернуть время назад. Я бы все тогда сделал иначе. Жаль.

– Да, жаль, – согласилась Карина. Ее взгляд стал совсем грустным, – Если бы ты тогда пришел, если бы был со мной, я бы только тебя всю жизнь любила. Так странно, да? Я бы не встретила Гришу. Четыре года – большой срок, а прошли, словно один миг.

Мы немного помолчали. Я первый подал голос:

– Знаешь, я словно вчера вот так вот с тобой шел. Из школы. Слово и не было этих четырех лет. Но они были, я знаю! За это время многое изменилось. Я понимаю. Теперь у тебя есть Гриша. И ты любишь его... А я люблю тебя.

Мы снова замолчали.

– Знаешь, я только в одно поверить не могу, – опять заговорил я, – Неужели ты и вправду выходишь замуж? Завтра... Уже завтра. Это – как черта. Потом другая жизнь. Черта для всего.

– Я бы очень хотела видеть тебя на своей свадьбе, – заговорила Карина, – Ведь ты очень близок мне. Но я не стала тебя приглашать, – Карина потупила взгляд, – Я подумала, что это ни к чему.

– Понимаю, – мы остановились, дойдя до ее подъезда. В последний раз.

– Ну, все? – мы встали друг напротив друга и встретились глазами. Я никогда не забуду, как она смотрела в этот момент – в ее ясных зеленых глазах стояла грусть, но на дне их плескалось счастье.

– Пойдешь? Тебе, наверное, пора. У тебя, должно быть, много дел, ведь завтра такой день!

Я грустно улыбнулся, Карина ответила мне чистой и искренней улыбкой:

– Да, пожалуй. Пойду. Приятно было повидать тебя. Как-нибудь еще обязательно встретимся.

Я глядел на нее и знал – нет, не встретимся, никогда не встретимся, глядел и старался запомнить, чтобы потом вспоминать всю жизнь, как выглядели тогда ее сияющие глаза, покрасневшие щеки и чуть растрепанные волосы – тогда, в нашу последнюю встречу.

– Иди. Удачи, Карина. Желаю тебе большого-большого счастья. Тебе и Грише.

– Спасибо, – как часто потом на протяжении всей жизни я видел в своих снах эти приподнятые уголки губ! – И тебе счастливо. Пока.

– Пока.

Карина ушла домой, а я отправился к себе. Дома я лег спать, а наутро взял уже собранные заранее вещи и давно припасенный билет и уехал к родственникам в Новосибирск. Там я остался навсегда. Я знал, что больше никогда – ни через год, ни через пять, ни через десять лет я не увижу Карину, девушку, чье лицо я никогда не забуду и не разлюблю, и в чью судьбу я больше не вмещаюсь. Я даже не взял с собой ее фотографии, но образ ее не раз преследовал меня во снах. Я не знал, что случилось с нею, но Карина постоянно мне снилась, на поверхности ее зеленых глаз застыл вопрос, но на дне их плескалось счастье.

2005

Удар в тишине

Кусочек лунного лучика проникал в щель между неплотно задвинутыми шторами и тонкой змейкой струился по подушке постели больной девушки. София лежала в мертвом сиянии лунного света, и все тело ее пронизывала боль. За последние дни она совсем ослабла и уже не могла ходить, но сегодня ей стало особенно плохо, и она проснулась ночью оттого, что ее измученное сердце трепыхалось так болезненно, что даже дыхание перехватывало, и, казалось, вот-вот оборвется все.

Умиравшее сердце уже отказывалось бороться за свою жизнь. Оно, обескуражено вздыхая, тихо замедляло шаг.

Удар. Еще удар. Еще.

«– Соня, – Паша улыбался, – Я люблю тебя!

Легкий мартовский дождик моросил по крышам. Поблескивающие на ослепительно ярком солнышке бусинки капель озорно застревают в волосах – его и ее. Прозрачное небо, умывшись и став совсем чистым, смеялось от счастья...».

Удар... Удар... Удар...

«– Паша, погляди, какая звезда! – Соня оглянулась через плечо и улыбнулась, заглянув ему в глаза, – Такая яркая, красивая, правда?

– Звездочка моя, – он тоже улыбался, – Красавица моя, ты лучше всех!

Он обнял ее за плечи...».

Удар... Удар...

«Она уткнулась лицом ему в грудь.

– Паша! Я люблю тебя! Обними меня! Обними, крепче! И не отпускай. Никогда не отпускай, слышишь? – она доверчиво подняла на него глаза, – Не отпустишь?

– Не отпущу.».

Удар... Так больно почему-то... Или нет? Или уже не больно? Удар...

Непонятно. Удар. Пауза... Удар...

«Луна катилась по озеру. Вода такая гладкая, спокойная. Небо темно-синего цвета, красивое. Трава такая мягкая. Деревья – высокие, могучие. Кажущиеся совсем темными в ночной прохладе. Не страшно. Не холодно. Тихо. Только где-то совсем неподалеку стрекочет какой-то ночной сверчок. Ночь – она добрая. И Пашка, милый Пашка. Такой родной, теплый. Вот он, рядом. Спит, как ребенок, тихо дышит. Теплое его дыхание едва-едва касается кожи ее шеи...».

Удар. Что такое? Сердце замерло? Пауза. Пошевелиться так сложно. Или совсем никак? Удар... Едва подрагивают кончики пальцев... Пауза. Удар...

Лунный луч соскользнул с Сониной постели и начал таять. Летняя ночь коротка. Каркнула ночная ворона. Кому-то тоже не спится?

«Соня лежала, доверчиво и самоотверженно прижимаясь всем телом к Паше. Любимый, любимый. В его объятьях так тепло. В темноте блестят Пашины глаза...».

За окном уже чирикают птицы. Ночь погасла.

Удар... Молчание. Тишина. Удар... Такой слабый, такой беззащитный. Почти не слышно его. За что бороться?

Парень, одиноко идущий по улице, поднял глаза к светлеющему небу и посмотрел на неживой месяц. У месяца нет души.

А у него?

«Нет, я был не прав. Мне не стоило говорить ей таких слов. Это подло, так нельзя. Нельзя.».

Он вдохнул теплый летний воздух и посмотрел по сторонам. Никого нет в столь ранний час. Улица пустынна.

Ни единого ветерка.

Чирикают птицы.

Спать совсем не хочется. А бродить по улице нет толку.

Нет, он не должен был, не должен.

«– У меня нет к тебе никаких чувств.

– Паша! Не надо!

– К чему все это? – в голосе слышатся нотки раздражения, – Соня, я никогда тебя не любил.»

Удар... В сердце что-то кольнуло? Оно еще может что-то чувствовать?.. Нет, ничего. Показалось... Сердце...

«Нет, я не должен был... Я определенно не должен...».

«Соня лежит, сотрясаясь всем телом. Неужели человек может так горько плакать? Больно, так больно! Неужели возможна такая боль?».

Удар... Или показалось? Ничего... Ничего...

«Я не должен был!».

Птицы уже распелись вовсю. Уже разгорелось утро. Лунные лучи уступили место первым лучикам солнца. Уже можно встретить на улице редких ранних прохожих.

«Как я мог?» – Паша метался. В голове слегка шумело после ночи без сна.

– «И зачем? Как мог я сказать такое? Как мог так поступить? И разве можно погубить любовь из-за мимолетных влечений? Как все спасти? Как исправить?».

Можно спасти. Должен!

Паша бежит. Сердце колотится. Жутко отчего-то. Холодок по коже. Что случилось, что?

Он звонится в дверь. Шесть часов утра.

– Пустите меня к ней, пустите! Я должен, должен!..

Испуганные глаза ее старшей сестры.

Она лежит на постели.

– Соня! Прости меня!

Он кидается к ней. Отчаянно прижимается к ее груди.

Сердце, где ты, сердце?

– Соня! Я люблю тебя!

Ни звука. Тишина.

– Соня!

Сердце молчит.

23.06.2005

Багровые слезы

Мы познакомились случайно.

Девочка ловила машину, и я остановился. Я ехал домой с работы. Был теплый вечер, ласковое летнее солнышко припекало, и мне скучно было ехать одному. Да и девочка миленькая, совсем молоденькая, можно и помочь, мне не трудно. И вообще, я парень добрый, помогать люблю.

Она легко и без страха запрыгнула в мою душную машину – такая маленькая и хрупкая, ко мне, такому большому и сильному. Уселась на прогретое сидение рядом со мной и улыбнулась мне так тепло и открыто, что я не мог не улыбнуться в ответ. Она была очень милая, эта девушка, хорошенькая мордашка, стройная фигурка, и взгляд такой чистый и невинный. Вся она была какая-то очень прелестная, совсем еще юная.

– Такая маленькая, а ко мне садишься? А ты не боишься, что я тебя обижу?

– спросил я.

Она рассмеялась беззаботно, глаза ее улыбались:

– Ты? Да ты в зеркало себя видел? Ты совсем не страшный, по тебе видно, что ты не сделаешь ничего плохого.

Святая наивность. Не сделаю я, конечно, ничего плохого, я вообще хороший парень, но нельзя же всем так верить. Пропадают такие девчонки!

Мне было не совсем по пути, но я довез ее до дома. Слово за слово, мы разговорились – Саша, пятнадцать лет едва исполнилось. Засиделась у подружки, не заметила, как время пролетело, только пришла, как-то незаметно заболтались, теперь торопится домой. Девчонки!

– Боля, двадцать два года, – представился я ей, – Болеслав.

Так уж получилось, что у меня остался ее номер телефона. Я, вообще-то, не собирался с ней как-то завязываться, у меня была невеста по имени Люда, взрослая женщина, а не малолетняя девочка, и я ее любил. Но Саша нацарапала на клочке бумаги заветные циферки и сказала, что будет ждать, и я, отчасти чтобы не обижать девчонку, отчасти просто так, взял листок.

Это сейчас я вспоминаю снова и снова, как она выпрыгнула из моей машины, захлопнув за собой дверцу, обернулась, бросив веселый взгляд через стекло, помахала мне ладошкой, а через мгновение она уже, словно молодая козочка, подсакала к подъезду своего дома, легко взлетела по ступенькам крылечка и, замерев перед дверью, снова обернулась, и снова помахала мне, и улыбнулась мне такой ослепительной улыбкой, и глаза ее так сияли, словно я был для нее самым дорогим человеком на свете. О любовь моя, сколько бы я сейчас отдал за этот взгляд!

Но тогда я совершенно не собирался ей звонить. Я был занят – у меня была невеста, я заканчивал институт и все время метался, подрабатывая то в одном месте, то в другом. Моя машина была куплена в кредит, и деньги были нужны мне, как никогда. Я мечтал поскорее вылезти из долгов, тогда уж можно было подумать о свадьбе с Людой и настоящей семейной жизни. В общем, маленькая девочка Саша не входила в мои планы.

На самом деле, по части дел любовных, я был человеком довольно легкомысленным и не отказался бы от какого-нибудь мимолетного жаркого романа – просто так, Люду я бросать, конечно, не собирался, – но Саша на роль кандидатуры абсолютно не подходила, ломать жизнь малолеточке я никак не собирался.

По правде говоря, я даже забыл об этой встрече, не придав ей значения, у меня было много других забот. Но волею судьбы через пару недель мы встретились опять.

Дни стояли знойные, и как-то раз, припарковав машину, я зашел в магазин купить воды. Я почти сразу узнал ее светлую головку и худенькие плечи. Она покупала себе орешки. Я тихонько встал позади нее, и она оглянулась. Легкие волосы ее взметнулись, я никогда не забуду это божественное движение головы и восторг в ее глазах, когда она увидела меня.

– Болик!! – закричала она и улыбнулась так радостно, словно я был самым лучшим ее другом, которого она встретила после долгой разлуки.

– Что ты делаешь здесь? – я напряг память, припоминая, где ее дом, – Ты ведь живешь не тут.

– Ты отвезешь меня домой? – спросила она, кладя в рот орешек, – Боже, как мне жить дальше, нося в душе ее образ, если милые движения этого любимого мной существа как на пленке навсегда остались в моей памяти, существа, полностью завладевшего моим сердцем, ставшим им, существа, которое меня любило, существа, которого я потерял?

– Поехали! Я все расскажу тебе. Поболтаем, мы давно не виделись.

Я, в общем, никуда не спешил, мой рабочий день уже закончился, Люда гостила у бабушки в Тверской области, и я, подумав, согласился провести этот летний вечерок с этой милой веселой девчонкой.

Саша сияла. Она жевала орешки и самозабвенно щебетала о том, что была в гостях у своего молодого человека Ильи, а сейчас она шла к метро, чтобы ехать домой, и ей очень захотелось орешков, и, зайдя в магазин, она вспомнила обо мне и поняла, что это неспроста, что она непременно скоро меня увидит, ведь вчера она весь вечер обо мне думала. А домой идти у нее нет никакого желания, ей совсем не хочется заниматься повторением математики, которую она терпеть не может, но сделать это необходимо, потому что она, Саша, ее совсем забыла, а ей скоро в школу, в десятый класс.

Меня забавляли Сашкины разговоры, и мне пришелся по душе ее озорной, жизнерадостный нрав, а потому она показалась мне приятной собеседницей, и я заключил, что вечер оказался не скучным. За эти несколько часов я узнал о ней гораздо больше, и мое мнение о ней изменилось, став отличным от того, что сложилось за те прошлые двадцать минут, что мы ехали в машине.

Я понял, что Саша – это не такой уж и наивный и невинный ангелочек, каким может показаться на первый взгляд, и если присмотреться, то можно увидеть, что на дне ее светлых ангельских глаз мелькают дьявольские искорки. Главное – она оказалась доступной настолько, насколько я не мог и предположить, но меня еще одолевали сомнения, стоит ли этим воспользоваться; несмотря на свою разгульную, как выяснилось, жизнь, Саша была еще очень юной, почти ребенком, а осознает ли ребенок то, что творит?

– Зачем я тебе? – спросил я, выйдя провожать ее до подъезда, – Неужели я тебе нужен? Ты ведь знаешь, что у меня есть невеста, и я ее люблю, и серьезных отношений у нас с тобой никогда не будет. Ты понимаешь, чего ты хочешь? Тебе это надо?

– Да, да... – шептала она, обхватывая своими нежными ручками мою грубую шею.

– Ты маленькая, – продолжал я, – Ты еще совсем маленькая и глупая, ты влюбишься и будешь плакать.

– Не буду! – обещала она.

– Смотри, подумай хорошенько. Я не хочу причинять тебе боль, – сказал я, но она уже тянулась ко мне своими юными свежими губами, и я поцеловал ее, вкушая чувства, одолевавшие эту малышку, которые она пыталась выразить, отвечая на мой поцелуй.

Саша убежала в подъезд, а я влез в машину и, развалившись на сидении, в задумчивости закурил. Я чувствовал, как разум мой постепенно затягивает мутная пелена, я пытался еще взывать к своей совести, из-за маленькой девочки, чьих слез я не хотел видеть, из-за любимой Люды, которую я хотел предать, но в резонанс с ударами крови в висках, в голове пульсировала мысль: она приняла решение. Она свой выбор сделала. Она знает, на что идет. А я, по крайней мере, поступил с ней честно.

Через пару дней у меня выдался выходной, и я без раздумья извлек из кармана джинсов уже порядочно помятую бумажку, в которую я до сих пор так ни разу и не заглядывал. Достал и пробежался глазами по набору чуть размазавшихся цифр. И позвонил.

– Привет! – радостно сказала она, подняв трубку, – А я одна дома сижу, мне скучно. Хочешь, приезжай!

Так и начался наш головокружительно страстный роман, в котором я не считал себя виноватым.

Использовал ли я ее? Да, я ее использовал. Не нужно было быть внимательным, чтобы увидеть, что девочка влюбилась в меня без памяти. Она была хорошим человеком, эта девочка, но мне не было разницы, как и не нужна была мне ее любовь. Главное, она согласна была сделать для меня все, что я пожелаю, и я этим пользовался. Я испытывал к ней только страсть, на другие чувства у меня не было ни времени, ни желания.

Мы прекрасно провели вместе последнюю неделю лета. Потом приехала Люда, и я посвятил себя времяпровождению с моей – тогда! – любимой, по которой я очень скучал. Потом меня совсем закрутила работа и подготовка к диплому, ведь я заканчивал институт. Мне исполнилось двадцать три, и мы с Людой были заняты подготовкой к празднованию моего Дня Рождения. Так что когда я снова позвонил Саше, на земле уже лежали багровые листья.

Она не обиделась, что я так долго не звонил. Она все понимала. И с радостью согласилась со мной встретиться.

Милая! Пусть будет мне вечным наказанием мучительно сладкое воспоминание о том, как ты трепещешь у меня в объятьях! Как больно, милая, пусть эта боль вечно мучает меня, я это заслужил.

Времени на нее у меня было мало. Я звонил ей редко, только когда мне было удобно, но она бежала ко мне по первому моему зову, когда угодно, куда угодно – и никогда на меня не обижалась. Саша ходила в школу, но стоило мне поманить ее, как она моментально удирала с уроков, из-за чего, вероятно, у нее потом возникали проблемы, но меня это мало волновало.

Я был доволен. Меня все устраивало. Любящая невеста и пылкая маленькая любовница, готовая мчаться за мной на край света – милая и покладистая, старающаяся во всем мне угодить.

Все шло прекрасно, пока темнели от сырой гнили мокрые темно-багровые листья, пока первый пушистый снежок припорошивал теряющие свой цвет, становящиеся бесформенными кучки. Постепенно снега становилось все больше, но я не обращал внимания ни на это, ни на то, что серые Сашкины глаза становятся с каждой встречей все печальнее, что задорный огонек в них почти совсем погас, а сама Сашка становилась все молчаливей, и все дольше смотрела она в мои глаза тихо и грустно, ничего не говоря. Не было мне дела и до того, что Саша рассталась с Ильей, и причиной их расставания наверняка являлся я.

Не думайте, что я такой бездушный и черствый, и мне было совсем не жаль маленькую девочку, которую я нагло использовал. Просто я не думал обо всем этом, у меня была Люда, и большинство моих мыслей занимала она. Остальные мысли, которые умещались в моей голове, были посвящены повседневным делам, а на маленькую Сашу места просто не оставалось.

Любовь моя! Нет, я все-таки черств. Как мог я равнодушно смотреть на то, как умирала в тебе, еще такой юной и живой, последняя отчаянная надежда, а вместе с ней потухали твои всегда прежде веселые глаза? Как мог? Пусть эти мысли навечно вдавят в мою душу тяжелый камень, пусть же всегда теперь меня будут мучить совесть и боль.

В воздухе кружился снег, а Саша начала обижаться. И мне это не нравилось. Это не соответствовало моим правилам. Уже не была она такой податливой и ласковой, как прежде.

Все чаще пыталась она меня оттолкнуть.

– Тебе наплевать на меня, тебе нужно от меня только одного! – с горькой яростью восклицала она.

Я морщился. Ни к чему были мне эти объяснения.

– Ну неужели я такой никчемный человек, что больше ни на что не гожусь?

– отчаянно спрашивала Саша.

Меня это утомляло. Разумеется, она была прекрасным человеком. Милая девчушка, добрая и смышленная – мне все было приятно в ней: ясность ее глаз, открытая улыбка, шаловливый, игривый характер. С ней было весело и интересно, а было бы еще веселее и интереснее, если бы мне все это было нужно, но это было не так, но этого-то она и не хотела понять. Я хорошо к ней относился, и искренне желал ей счастья, которое она обязательно найдет, когда встретит человека, который оценит все ее замечательные качества.

Она была просто маленьким золотцем, звездочкой с неба, мечтой – но только не для меня, я свою мечту уже нашел.

Хороший мой, маленький человечек, как обманчивы бывают грезы!

– Не приезжай больше! – говорила она с обидой.

Я пожимал плечами. Что ж, как вошла она в мою жизнь, так и уйдет. Буду изредка вспоминать с теплой улыбкой, но скучать не буду. А обиды... Какие могут быть обиды? Она сама на это согласилась. Она знала, на что идет.

Сашенька моя! Сашенька. Как мог я, такой взрослый, быть таким бездушным с тобой, как мог так обижать тебя – маленькую, слабую, наивную влюбленную девочку, которой было всего пятнадцать лет?

И ты сдавалась, ты унижалась передо мной, ты кидалась мне на шею – и я бессовестно целовал твою нежную девичью кожу, жадно сжимая тебя в своих объятьях...

Милая! Где сейчас эти пушистые хлопья белого снега, где звонкое журчанье первых ручейков, где – прозрачные лучики предзакатного солнца? Все пронеслось в один миг! Все промчалось, оставляя за собой радостный каскад ярких весенних цветов, а я не заметил.

Помнишь, как ты увидела первый цветок? Маленький желтый цветочек, решительно высунувший пушистую головку из-под еще непрогретой земли и потянувшийся к теплему солнышку своими тонкими ручками? Потом было много еще цветов, но я помню, как ты обрадовалась тогда тому – самому первому, самому отважному.

– Он похож на маленького милого цыпленка, правда? – восторженно закричала ты. А я улыбнулся и поцеловал тебя. И забыл обо всем этом, не вспоминая до теперешнего времени – времени, когда моя тоскующая душа болезненно заглядывает в прошлое, жадно впитывая каждый миг прекраснейшей сказки, которую я сам пожелал прекратить.

Каким я был дураком!

Тогда я уже всерьез занялся своим дипломом и перестал приезжать к Саше. Диплом был удачно защищен, я был доволен собой, но забот у меня стало не меньше. Люда изъявила желание поехать со мной на море в один из летних месяцев, и мне пришлось самозабвенно погрузиться в рабочий процесс, чтобы заработать достаточное количество денег для исполнения ее пожелания.

Отдых на море был поистине прекрасным, тем слаще он был оттого, что я его сам заслужил. Однако он стоил мне многих усилий, когда я вернулся домой, поскольку я принялся работать с двойным усердием, стараясь компенсировать потраченное мной на отпуск время. Деньги по-прежнему были нужны, и я по-прежнему трудился. Легче мне было оттого, что мне больше не добавлял хлопот мой институт.

Жизнь шла своим чередом. Люде исполнилось двадцать семь, и я старался, чтобы ее День Рождения обернулся для нее сказкой. Она была моей красавицей, моей королевой, и ее счастье было самым дорогим из того, что я мог себе вообразить.

Я оглянуться не успел, как догорел последний лучик лета, и мне самому стукнуло двадцать четыре.

Наконец я погасил свои долги за машину, и теперь разъезжал на своей блестящей прелести довольный и абсолютно счастливый, все интенсивнее откладывая деньги на квартиру.

Когда выдавалась свободная минута, которая требовала покоя и наслаждения, я бродил по темнеющей осенней улице. Я любил гулять вместе с Людой, медленно прохаживаясь по

убранным свежей прелестью позднего октября аллеям, вдыхая прохладный аромат осени моего счастья – обманчивого, как я теперь понимаю, счастья! – разгребая ногами усталые по земле листья рыжих и бардовых цветов, улыбаясь, и строя планы на будущее. Как хорошо было вот так просто идти рука об руку с любимым человеком, заглядывая в глаза, выделяющиеся из миллионов глаз!

Любимая моя, как это все было давно! Как мог я в этом море глаз, отражениях таких разных человеческих душ не распознать одни единственные – твои, такие яркие и живые, светящиеся самой чистой и прекрасной на свете душой?

Любимая! Как мог я улыбаться облетающим листьям и не задумываться о том, какую боль причиняет тебе каждый сорванный с ветки листочек, каждый безнадежно поникший и обветшавший осколочек твоего счастья? Милая! Я навсегда запомню эти прекрасные бардовые листья, вид их зябкой сырости навсегда запечатлится в моей душе.

Минула еще одна зима, которая, признаться, прошла в заботах, но я о них не жалел, так как результатом моих стараний стало осуществление моего давнего стремления – я наконец-то приобрел свой собственный уголок – уютную квартирку, которой я столько времени грезил, предвкушая наше с Людой совместное счастье.

Люда была в восторге. В мгновение ока она переехала ко мне, и потянулись дни моей безоблачной эйфории. Мне казалось, я еще никогда не был так счастлив. Глупый мальчишка, тогда я еще не понимал, что дни моего истинного, единственного достойного жизни счастья давно прошли. Они были тогда, когда я его не осознавал, не желая увидеть, распознать его.

Моя работа к тому времени стала уже стабильной, диплом института сделал свое дело, а заработок вполне приличным. Целые вечера я проводил с Людой, мы самозабвенно наслаждались присутствием друг друга и мечтали о будущем, промышляя о свадьбе, которая была запланирована на будущую осень, мой финансовый достаток мог позволить мне ощущать реальность близости этой мечты.

Неожиданной яркой вспышкой в моей жизни явилась Алена, страстная легкомысленная любовница, добавившая в мою жизнь разнообразия, приобретенная мной для более полного ощущения яркости жизни. Алене было девятнадцать лет. Она заканчивала третий курс какого-то там университета. Она привлекла меня тем, что в плавных движениях ее гибкого тела я подсознательно старался угадать твои, пусть неосознанно и безуспешно. Но очень быстро я понял, что, несмотря на приятные впечатления от встреч с ней, она не вписывается в график моей распisanной по часам жизни, и Алена исчезла из моей жизни так же быстро, как и появилась.

Забыл ли я о Саше? Не думаю, чтобы совсем однозначно. Скорее всего, мне просто было не до нее. Я даже не помню, мелькала ли у меня когда-нибудь мысль позвонить ей. Я занимался своими делами и не думал о том, что не звонил ей уже целый год.

Странно, я даже ни разу не упомянул, каким родом деятельности я занимался. Но это не имеет значения. Особенно это стало неважно после того, как однажды случайно я увидел на улице ее.

Этот день я запомню навсегда. Это произошло, когда лето еще не утратило свою силу и баловало петербуржцев погожими деньками.

Я сидел в машине и курил, ожидая Люду. Она была в гостях у своей подруги, а я собирался встретить ее и отвезти домой.

Люда задерживалась, и в этом, наверное, была ее роковая ошибка. Я сидел, поглядывая по сторонам – мне было скучно ждать. Недалеко на площади толпились люди. Лица их были радостны. Я с любопытством принялся разглядывать объект их внимания, отчего мне самому стало радостно. Это была молодая пара – жених и невеста. Глядя на них, мне стало легко и светло на душе. Мне было приятно смотреть на жениха – светловолосого парня лет двадцати с добродушной улыбкой. Он с обожанием смотрел на свою молодую жену, словно он обрел величайшее сокровище, какого ни у кого в мире больше нет и не будет. Я наблюдал за ним и

думал о том, что совсем скоро и я также буду смотреть на Люду, наряженную в пышное белое платье, и держать ее за руку – нежно и осторожно, словно она – это прекраснейшее видение, которое может растаять, рассыпаться от любого неосторожного движения.

Из задумчивости меня вывела невеста. До этого момента я не мог разглядеть лица этого нежного хрупкого цветочка, но тут она повернулась ко мне в пол-оборота, и сердце мое среагировало быстрее, чем я смог это понять.

Она не видела меня. Она улыбалась такой светлой и открытой улыбкой, какой я никогда у нее не замечал – из-за невнимательности ли, или она просто еще никогда так не улыбалась. Не спорю, я не заслуживал такой улыбки самого прелестного в мире существа. Она смотрела, казалось бы, в мою сторону, близоруко щури светлые глаза, но все равно не могла меня приметить, она была слишком счастлива, чтобы обращать внимание на серое, низкое и пустое, недостойное ее окружение. Особенно же ей не было дела до взъерошенного, невыспавшегося неудачника, теребившего сигарету в душном салоне прокуренной машины. Я, как зачарованный, глядел на нее и не мог оторваться. Я не мог наглядеться ею, я не видел ничего вокруг, целый мир поблек, преклонившись перед ее красотой. Перед глазами у меня плыло, я ослеп, для меня никого не существовало, кроме нее.

Сашенька. Как ты была прекрасна! Дорогой мой, милый человек, в этом мире нет ничего, ничего не существует, кроме твоего юного лица, такого знакомого, чуть повзрослевшего и ставшего еще красивее. Все в тебе – твои светлые легкие волосы, твоя ослепительная улыбка, затмевающая даже летнее солнце, твой ясный, чистый взгляд – все было такое до боли знакомое, такое родное, такое твое!.. Прекраснейшее видение, дай прикоснуться, дай только дотронуться до тебя, ощутить, осязать твое земное существование!

Прекраснейшая, еще более прекрасная в этом белом свадебном платье! Я никогда не забуду, как увидел тебя здесь, и снова и снова, как в замедленной съемке, будет видеться мне божественное движение твоей головы, когда я узнал в тебе тебя, и игривый прищур твоих глаз навсегда отпечатается в моей памяти неизгладимым, неискоренимым воспоминанием.

Я смотрел на тебя и понимал, что ты дороже мне всех на свете, что я рвусь к тебе всеми помыслами, всеми порывами моего крепкого молодого сердца, и готов прямо сейчас выпрыгнуть из машины и бежать к тебе, и кричать об этом, кричать на весь мир, кричать так, чтобы ты об этом услышала, чтобы снизошла до того, чтобы твой слух обратил внимание на мой жалкий писк.

А ты с другим, а ты выходишь замуж за другого!

Я слегка очнулся, придя в себя только когда Саши уже не было на площади, и лишь только солнечный лучик резвился на том месте, где она стояла, а я даже не мог однозначно указать направление, в котором она скрылась.

– Здравствуй, милый, – Люда запрыгнула на соседнее сидение, – Давно ждешь?

Я рассеянно чмокнул девушку и принялся крутить головой, безнадежно пытаюсь отыскать глазами моего ангела.

– Ты что? – Люда положила мне руку на плечо, – Что ты там такое увидел?

– Нет, ничего... – дрожащей рукой я завел машину. У меня, наверное, был вид человека, которого только что разбудили, и он еще не понимает, что происходит вокруг.

– Болик, – сказала Люда.

Я достал еще одну сигарету.

– Опять курить? – Люда возмущенно нахмурилась, но я уже чиркал зажигалкой.

– Фу, – она обиженно отвернулась, но я ничего не сказал, и она скоро забыла про свою обиду и начала что-то рассказывать. Всю дорогу до дома она болтала про подругу, у которой она только что была (в любом возрасте девчонки есть девчонки!), но я не слышал. Мои мысли были заняты Сашей. Я ехал и думал о своем, с трудом следя за дорогой.

– Болик! Ты меня не слушаешь? – Люда обратила ко мне расстроенное лицо, – Что случилось?

Я не знал, что ответить. Мы подъехали к дому. Я молчал. Люда рассерженно выпрыгнула из машины, с силой захлопнув дверь. Я не спешил ее догонять. Мне улыбались веселые Сашкины глаза. Я ясно видел, как она присела подле маленького, едва проглянувшего на свет цветочка мать-и-мачехи, радостно и осторожно дотрагиваясь до его малюсеньких желтеньких лепестков своим нежным пальчиком.

– Смотри, Болик! Он похож на маленького милого цыпленка, правда?

И Люда тут была ни при чем.

Отныне Саша занимала все мои мысли. Что бы я ни делал, куда бы ни шел, я видел взгляд ее веселых светлых глаз. Веселых. Ей было весело, она смеялась надо мной. Она шаловливо смотрела на меня, чуть прищурившись – и отворачивалась, не найдя во мне ничего, достойного ее внимания. Я совершенно не понимал, что происходит со мной и как мне жить дальше. Я думал и никак не мог определить, какое отношение имеет белое платье сероглазой девчонки к моей жизни. Но на душе у меня было беспокойно, и я просто боялся признаться себе в том, что она нужна мне больше, чем все, что у меня было и будет. Я метался, не находя себе места, совершенно не в состоянии был держать себя спокойно, стал задумчив и рассеян, что крайне раздражало Люду. Я не мог ни на чем сосредоточиться, работа не клеилась, я отговаривался перед девушкой тем, что совершенно устал и переутомился. Она настаивала на том, чтобы мы позволили себе отдых и уехали куда-нибудь, но я уверенно мотал головой – это было совершенно не то, что мне сейчас было нужно. А что именно было нужно, я не знал, об этом мне и предстояло подумать, только сделать это нужно было в одиночестве.

Люда обижалась, но мне все-таки удалось уговорить ее отдохнуть самой и поехать в гости к бабушке, ссылаясь на загруженность и посему отсутствие возможности уделять ей должное внимание. Я говорил, что мне необходимо спокойно разобраться в своих рабочих делах, чем я не имел не малейшего желания ее нервировать. В конце концов, мне удалось отправить ее к родственнице – к сентябрю, несколько обиженно сложив вещи, она покинула меня на некоторое время. Я вздохнул с облегчением. Люда больше не была мне помехой в моих раздумьях, и у меня было несколько недель, чтобы трезво обдумать беспокоивший меня один-единственный вопрос: что делать?

Люда уехала, и сразу у меня в ушах стало тихо. Я остался наедине с серыми Сашкиными глазами.

Она так была мне нужна! Я кожей чувствовал ее тепло – и не мог избавиться от этого ощущения. Я вздрагивал оттого, что мне мерещилось ее неслышное дыхание, и я тревожно оглядывался, ежась от ее лукавого взгляда, а в ушах у меня звенел ее юный смех – громкий и залиvistый – и некуда было деться от этого наваждения. Я вскакивал во сне от ощущения запаха ее волос, щекотавших мне ухо, пытаюсь ухватиться за ее незримый образ, но она всегда ловко выскальзывала от меня, насмешливо поглядывая своими яркими глазами.

Я звал ее – она не приходила. Я сидел в своей тихой и пустой квартире, прислушиваясь, затаив дыхание и боясь пошевелиться, словно зверь, подстерегающий свою добычу, тщетно пытаюсь различить чутким слухом звук ее шагов.

Что делать? Эта мысль беспрестанно вертелась в моей голове. И я выскакивал из дома, не в силах больше терпеть ее издевательского отсутствия, и не находил ничего лучшего, чем скитаться по улицам, всматриваясь в лица прохожих в надежде обнаружить ее милые черты.

По улицам проходило множество Саш. Они спешили куда-то, и целенаправленно бежали, и неспешно прогуливались, и раскрывали зонтики, пытаюсь спрятаться от противного сырого дождя, и обходили лужи, зябко передергивая плечами, и переходили на другую сторону улицы, и посматривали вокруг, и шли, уставившись себе под ноги, и встречались с кем-то, и скрыва-

лись в незнакомых подъездах, и сворачивали на тротуар при виде моей машины, и шарахались от брызг, летевших из-под грязных колес. У меня голова шла кругом.

– Болик, – слышал я рядом с собой и вздрагивал от звука ее знакомого голоса, неожиданно прорезавшего тишину моего одиночества – вздрагивал и резко поворачивал голову – но на соседнем сидении машины никого не было.

Я сходил с ума.

Я не понимал, зачем мне все это надо, что происходит, но ясно осознавал, что не могу иначе.

Я даже не думал о том, чтобы ей позвонить, это казалось мне неразумным, ведь у нее есть другой, ведь она замужем, и я не решался это сделать, да и сохранился ли у меня номер ее телефона?

Я так и не мог придумать ничего, кроме как таскаться по улицам в беспрестанных поисках, но все было напрасно. Она словно в воду канула. Мир жил своей жизнью – спокойной и суетной, словно ее и не было на свете, хотя мне казалось противоестественным не ведать о ее существовании, ибо она – это самое чистое и совершенное, что возможно отыскать в этом мире.

Я не знал ни ее фамилии, ни домашнего адреса. Я ничего не знал. Я не понимал, зачем я делаю все это, но только капли холодного пронизывающего дождя, бывшего в лобовое стекло моей машины, были мне ответом. Вперед! – что-то гнало меня, и я не мог не подчиниться этому зову.

Где-то рядом – я знал – смеются Сашкины глаза, но я никак не мог их найти.

Наконец, ведомый каким-то смутным воспоминанием, я заехал в ее пустой дворик. Напрягая память, я припоминал дом и даже подъезд, но этаж? Квартира?

Я остановился близ ее подъезда – вот здесь, вот здесь, взбежав по ступенькам, она помахала мне рукой! – и так началось новое время – время моего ожидания.

Каждое утро я подъезжал к ее дому и становился так, чтобы подъезд был в поле моего зрения, и сидел так до самого вечера. Внутрь заходить я не решался, да и в этом, наверное, не было смысла. Я не мог ничем заниматься, и я так и проводил целые дни, просиживая с раннего утра и до самого позднего вечера в унылом салоне машины, не спуская глаз с заветных ступенек. Я сидел в машине, курил и ждал, и размышлял о ней. Я не знал – может, меня уже выгнали с работы. Я ни разу не вспомнил о Люде. Но это все было неважно, я не мог ни о чем думать, кроме нее.

Ей было уже семнадцать лет. Боже мой, уже семнадцать! Как она повзрослела. В этом году она должна была закончить школу, и где она теперь учится – я не мог этого знать. Я не знал, где ее найти.

А ведь когда-то она была моей. Так странно. Неужели было это? Было, было! Было время, милая, когда ты меня любила, когда привязалась ко мне всем своим еще почти детским сердечком, когда я мог держать тебя в своих объятьях, не боясь, что ты исчезнешь, растворись, когда ты улыбалась только мне... Да что об этом и говорить! Было, было, я помню. А я упустил тебя, я тебя потерял – сам, по своей воле, по глупости. Как я мог? Неужели это навсегда? Неужели теперь золотое кольцо навеки закрыло от меня путь к твоему сердцу, и я захотел этого сам? Безумный! Мне вздумалось тогда, словно ты моя игрушка, я и предположить не мог, какую боль мне это принесет. Я так бессовестно обижал тебя, так унижал! Захочешь ли ты теперь когда-либо меня видеть? Простишь ли ты меня когда-нибудь? Милая! Как мог я бездумно смотреть в твои глаза, в которых застыла отчаянная грусть, не думая о том, как тебе, должно быть, хотелось заплакать от обиды? Но ты не плакала, ты никогда не плакала при мне, потому что – знаю – обещала, что не заплачешь. Как мог я не задумываться о том, сколько раз горько плакала ты, когда я не вижу? Как мог я быть таким жестоким? Любимая, пусть каждая слезинка, упавшая с твоих ресниц, вечно причиняет мне боль, оставив незаживающую рану

на моем нерадивом сердце, пусть слезы твои, высохнув, навсегда отпечатаются шрамами на моей искалеченной душе!

Я ждал тебя. Имел ли я право ждать, что ты придешь? Но я ждал тебя, каждый день, до глубокой ночи. Но все было бесполезно. Я не замечал, как пролетали дни, но на деревьях лишь желтели листья, а износившиеся дворники противным скрипом царапали стекло машины, напоминая жалко стонущего от боли животного, обессилевшего и сдавшегося, подчинившегося своей судьбе – а ты все не приходила.

Однажды, когда дождь лил особенно сильно, я отважился зайти в твой подъезд – не знаю зачем, все было заведомо бессмысленно. Я нерешительно поднялся по ступенькам, повторяя твои изящные движения, бережно хранящиеся в моем сердце, своими неуклюжими грузными перевалками. Следом за мной, видимо, все еще надеясь уцелеть после дождя, забежал щупленький мальчик лет девяти. Что-то дрогнуло в моем измученном сердце, и я нахмурился, что-то припоминая.

– Миша! – позвал я.

Я не знаю, почему я решил, что именно этот мальчишка – ее младший брат, ведь я никогда его не видел, был только наслышан о нем – в те минуты, когда я отвозил Сашу поближе к дому – но только я угадал, потому что паренек замер, вопросительно глядя на меня исподлобья серыми глазами.

– Привет, – постарался сказать я как можно дружелюбнее и протянул ему руку для пожатия, – А где Сашка? Она дома?

Мальчик по-прежнему глядел на меня недоверчиво.

– Она тут больше не живет, – буркнул он, – Саша вышла замуж, и они с Алешей переехали.

С Алешей! С Алешей! Это резануло мне слух так, что мне стало трудно дышать. С Алешей! Действительно, ведь у нее теперь есть муж, что же странного в том, что она теперь здесь не проживает? Почему я об этом не подумал? Я совсем потерял голову. Или, может, эта мысль приходила мне в голову, не могла не приходиться, но просто я всеми силами пытался отогнать ее от себя, не в силах смириться с мыслью, что у нее есть другой, отчаянно цепляясь за невнятную и необоснованную надежду?

– А не подскажешь, куда? – сказал я и доброжелательно улыбнулся, но мальчик все еще смотрел угрюмо.

Я поспешно порылся в карманах и обрадовался, обнаружив там пару конфет. Я беспечно извлек их наружу.

– Миша, конфетку хочешь? Бери, вкусная.

Это подействовало, и ребенок, блеснув глазками, улыбнулся и взял сладости с моей огрубевшей ладони своей тонкой детской рукой.

(Как у нее... подумал я)

– Это совсем недалеко, в соседнем районе. А зачем тебе Саша?

Наболтать что-то было несложно, наивный ребенок (как она...) стал намного сговорчивее, и через десяток минут я уже подъезжал к ее новому дому. Найти его не составило мне труда, это оказалось действительно неподалеку.

На этот раз мне повезло больше – ждать не пришлось. Не успел я припарковать машину, как увидел Сашенькину светлую головку. Девушка бодро шагала по направлению к небольшому серому дому со старенькими обшарпанными стенами.

– Саша! – я резко выбежал из машины, хлопнув дверью, и бросился к ней. Я еще не знал, что я скажу, множество мыслей путалось в моей голове, но меня это не беспокоило – мне думалось, что сердце само найдет нужные слова.

– Саша! – я подбежал к ней, отчего девушка вздрогнула, и остановился, стараясь унять дрожь во всем теле, – Саша.

Ее светлые глаза расширились от удивления.

– Ой, Болик! Привет.

– Привет, – произнес я, отчего у меня все внутри перевернулось и замерло.

Привет... Мое сердце рвалось от нестерпимой, неопишуемой нежности. Как много это значит – просто сказать человеку: привет.

Мы стояли друг напротив друга и просто глядели. Дождь слегка моросил, припорошивая ее легкие волосы и мои – взъерошенные. На ее тоненьком пальчике гордо блестело красивое золотое колечко. Пускай она была одета не в белое платье, а во вполне заурядную одежду, но все равно она была ангелом, самым прекрасным существом, которое способно открыться человеческому глазу – ангелом, спустившимся с неба и удостоившим меня своим взглядом. Я с трепетом смотрел в ее глаза, в надежде пытаюсь увидеть в них что-нибудь, какой-нибудь знак, чтобы почувствовать, что ничего не прошло, ничего не забылось, что я нужен, что я любим... Но ее глаза молчали, она смотрела на меня спокойно, хоть и приветливо. Я смотрел и не мог увидеть ее прежнего, такого желанного восторга, которым она всегда светилась, и даже улыбка ее была едва различима, лишь уголки ее рта были слегка приподняты.

Что творилось в ее душе? Боль, гнев, грусть, презрение? Или все-таки рада была она меня видеть? Да как я мог это понять, если не мог разобрать даже того, что творилось в моей собственной душе.

– Как живешь? – спросил я Сашу и сам испугался звука своего голоса.

– У меня все прекрасно, – искренне ответила она, – А ты как?

– Хорошо.

Сколько мыслей моих рвалось сейчас наружу, сколько чувств переполняло мою непутевую душу! Я не могу без нее жить. Я дурак, я виноват, она злится на меня, и она права, права... Я, я... В голове все путалось и плыло. Я столько мечтал об этой встрече, столько раз видел в своих снах, а встретив, спрашиваю всего лишь: «Как жизнь?». Я ненормальный. Как жизнь... Все не то, все не то... Не это нужно... Нужно...

– Я люблю тебя.

– Что? – Саша удивилась еще больше. Было видно, что такого ответа она уж никак не ожидала.

– Я люблю тебя, – повторил я, – Люблю! Я ждал тебя. Я искал тебя. Я люблю, люблю тебя, Саша!

– Тш-ш... – она ласково перебила меня, – Болик, ты что? Мне тоже приятно тебя увидеть, но... Что ты?

Я молчал, повесив голову.

Она смотрела обеспокоено:

– Да что с тобой?

– Ничего, – ответил я, – Извини. Я хотел сказать... Извини за все. Иди. Тебя, наверное, ждут.

Ее не могут не ждать... Как не могут не любить.

Она взглянула на часы на хрупком изящном запястье:

– И в самом деле, пора. Алеша уже заждался. Как это мило – повидать тебя, – она улыбнулась чуть теплее, – Всего хорошего!

– Пока.

Сверкнув глазами, Саша скрылась в подъезде. Но не так, и не в том, и все было по-другому.

Я не знал, как жить. Все теперь было кончено. Впрочем, можно ли было ожидать, что все будет иначе? Я просто не хотел в это поверить. Я не хотел с этим смириться.

Я совсем забросил работу. Я расстался с приехавшей от бабушки Людой. Она плакала и не могла понять, что же случилось за то время, что ее не было в городе. Я не мог найти

вразумительного объяснения. Я понимал, что так нельзя, что так не делается – быть вместе четыре года, чтобы потом вот так... Но я не мог по-другому. У меня просто не было ни на что сил.

Всхлипывая, Люда собрала вещи и ушла, а я остался один в полутемной квартире. Я постоянно курил и спал, а все остальное время находился в какой-то прострации. Я даже не мог ни о чем думать. Я слишком устал.

Бог знает, сколько времени я так провел – дни ли, недели? Я не мог сказать.

Изо дня в день я лежал на постели, безвольно свесив с нее руку – и молчал, и не было ни мыслей, ни воспоминаний, ни грез – и смотрел прямо перед собой. Сил шевелиться у меня не было. Пока однажды какая-то сила не подняла меня с кровати, и я вскочил, и, быстро схватив в охапку свою куртку, рванул к машине, и целенаправленно поехал к ней, механическими, бездушными движениями управляя машиной.

Бросив автомобиль, я распахнул убогенькую дверь затхлого подъезда, резко вбежал внутрь и нерешительно остановился на лестнице.

– Молодой человек, вы к кому? – я поднял глаза на лестничную клетку и увидел пожилую женщину с авоськами, которая копошилась перед дверью квартиры. Она смотрела на меня чуть испуганно.

– Я к Саше, – вежливо ответил я, – Могу я ее увидеть?

– К Шурочке? – взгляд ее потеплел при упоминании о ней, – Так ведь они же уехали.

– Куда? – я встрепенулся, – Когда?

– Да еще недели две назад. В Москву переехали.

– Зачем? – я не мог поверить услышанному, – Не может быть. Это какая-то ошибка! Зачем ей Москва?

– Вот именно, – недовольно проворчала бабуля, – Что Москва? Москва, Москва... Столица... Посбегали в столицу. А разве Петербург хуже?

– Не может быть! – я был в отчаянии.

– Да точно уехали, говорю тебе, – пожилая женщина разговорилась, – Шурочке вздумалось в Москве учиться, ну они с Алешей и убежали, он же для нее все сделает, всегда уступит. Парень-то хороший...

– Спасибо, – резко развернувшись, я побежал обратно к машине. Я уже знал, что делать. Забежав в первый попавшийся ларек, я купил какую-то шоколадную плиточку и поспешил вылавливать Мишку.

В скором времени я уже сидел в машине и курил, разглаживая на коленке смятую бумажку с адресом. Когда-то и она тоже... вот так... Дала мне листок с телефоном... И... выпрыгнула из моей машины...

Перед глазами все совсем закружилось. В горле пересохло. Одно я знал наверняка – я скоро ее увижу.

На землю падали багровые листья. Неужели в Москве их пряный цвет краше? Я прибегу к ней, я прилечу к ней из Питера, я найду ее и там, и буду кричать, и паду перед ней на колени, и обхватю руками ее хрупкие ножки, и буду просить, буду отчаянно молить... И я буду просить ее мужа, парня с добродушной улыбкой, чтоб он отдал ее мне, вернул, ведь она моя, моя!

Саша! Ты слышишь, я люблю тебя!

Светлые глаза юного ангела насмешливо улыбались.

С ветки сорвался еще один багровый лист.

2005

Забывтые сны

Опавшие листья лежали на земле. Некоторые еще держались на деревьях, но были уже совсем слабыми, и им хватило бы малейшего дуновения, чтобы упасть наземь, но ветра не было, а потому парк казался безмолвным, неестественно недвижимым, почти безжизненным, но оттого еще более прекрасным, похожим на неизменный фотографический снимок, которого никогда не коснется ничто мерзкое, и никто не сможет его обезобразить.

Девушка остановилась, пораженная красотой, не могла не остановиться, поскольку невозможно было не восхититься до ошеломления этой прелестью божественного поцелуя, которым наградила природа это место – хотя она так старалась не обращать внимания на то, как здесь все прекрасно. Она старалась, но у нее не получалось и, начав любоваться природой, которая в этом месте словно была какая-то другая, пропитанная какой-то особой сакральностью, уже не могла остановиться. Два года она избегала ходить этой дорогой, но сегодня у нее не было выбора, обстоятельства вынудили ее поступить именно так – или она сама решила, что это случилось. Этот путь был самым коротким из тех, что шел к ее дому, а на улице было безумно холодно, отчего она так замерзла, что ей хотелось только одного – тепла, до такой степени, что ее не волновали какие-то давние воспоминания, и всем предрассудкам давно пора было уже положить конец. Но это только на первый взгляд. Теперь же она стояла, не в силах отвести глаз от знакомой полянки, и беспокоившее ее ощущение холода куда-то исчезло, потонув, растаяв в ее горячем жизненном сердце, сменившись тянущей печалью, сожалением о том, что все так получилось, постепенно перетекающим в знакомую тоску.

Девушка стояла и смотрела. Два года она не ходила этой тропой, а здесь ничего не изменилось. Сердце наполнилось каким-то смутным ожиданием. Парк молчал. Мир замер.

Она посмотрела на узкую, чуть заметную тропинку, скрывающуюся в кустах, окрашенных осенними красками, и ей казалось, что еще мгновение – и оттуда появится молодой человек.

Но это, конечно, сон. Девушка закрыла глаза. Не может быть, чтобы это когда-то было. И тем более не возможно, что это еще случится. Она зажмурилась еще крепче. Кругом кружился снег. Ветер швырял его в глаза, и она опускала голову и жмурилась. Однако было не холодно, и снег быстро таял. По щекам стекала вода. Так близко, так явно. Но это не талый снег, это всего лишь дождь, пролившийся на безмолвный парк, но девушка не замечала этого. Болезненность этого воспоминания затмила ей глаза. Она подняла взгляд и увидела парня, пробирающегося к ней сквозь мокрый снег. Он подошел к ней и дотронулся губами до ее губ. В его волосах блестели снежинки, быстро превращающиеся в капельки воды. Она провела рукой по его голове и заглянула ему в глаза – карие, такие теплые, такие лучистые. Он осторожно обнял ее, и она прильнула к его груди, прикасаясь к такому знакомому и родному теплу. Не существовало больше ни ветра, ни мокрого снега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.